

В о й н а.

Бой, заставившій насъ растянуть фронтъ на тридцать верстъ, шелъ вторую недѣлю. Наши окопы перемежались интервалами—лѣсами, болотами и извивами рѣчки Д. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашего расположенія бой не начинался еще, въ другихъ онъ выражался въ артиллерійскомъ обстрѣлѣ непріятельскихъ позицій, мѣстами мы вдались клиномъ въ линію непріятельскихъ войскъ, захвативъ ихъ окопы. Сраженіе, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ участвовало болѣе полутора тысячъ людей, развивалось и складывалось изъ отдѣльных, частныхъ эпизодовъ, казавшихся на первый взглядъ совершенно незначительными.

И такъ всегда. Такіе историческіе моменты, какъ Рава, Синява и Ярославъ, на взглядъ участника, которому доступно лишь то, что онъ видитъ вокругъ себя, были совсѣмъ не такъ грандіозны, какъ казалось со стороны. Отдѣльныя стычки, перестрѣлка, атаки, передвиженія, изъ которыхъ, какъ гора изъ мелкихъ песчинокъ, строится боевое событіе огромной важности, кажутся участнику сѣрымъ, будничнымъ трудомъ, трудомъ упорнымъ и кровавымъ, но лишеннымъ грандіозности и захватывающаго интереса.

И оттого, что это для насъ такъ просто и обыкновенно, что въ непосредственной близости блекнутъ яркія краски, самыя страшныя мгновенія боя, когда

опьяненные и подхваченные порывомъ или отчаяніемъ люди бросаются „въ лобъ“ пулеметамъ и пушкамъ въ атаку, не чувствуя ранъ, не замѣчая крови и горь человѣческаго мяса, по которымъ они бѣгутъ, не внушаютъ ни ужаса, ни даже страха. Все проходитъ, все перегораешь въ душѣ. Даже подъемъ, который бываетъ въ короткой схваткѣ, въ многодневномъ бою смѣняется чѣмъ-то другимъ, болѣе ровнымъ и болѣе устойчивымъ ощущеніемъ силы, чувствомъ спокойной увѣренности въ побѣдѣ. Людей крѣпитъ и сливается воедино общность интересовъ, самосохраненіе, являющееся мотивомъ храбрости. Если я боюсь смерти, я не побѣгу назадъ, а попытаюсь прорваться впередъ, потому что смерть именно назади, гдѣ падаетъ градъ снарядовъ. Я буду идти вмѣстѣ съ Пахомувымъ, Сидоровымъ, Петровымъ — вмѣстѣ со всѣми; одинъ я — ничто, а вмѣстѣ съ ними — сила. И эта общность, вынужденная положеніемъ, эта храбрость, вызванная жаждой жизни, дѣлаетъ насъ стойкими и равнодушными къ смерти и къ ужасамъ боя. Дни, недѣли, мѣсяцы мы идемъ рядомъ, плечо къ плечу съ тульскими и владимірскими мужиками, мы переносимъ вмѣстѣ съ ними всѣ боевыя невзгоды; общность интересовъ превращается въ привычку. Намъ, интеллигентамъ, которыхъ въ ротѣ всего нѣсколько человѣкъ, прививаются ихъ невзгоды, ихъ чувства, мысли, даже привычки, повадки, даже ихъ тульскій и владимірскій говоръ.

Теперь нельзя уже отличить добровольца, инженера Красницкаго, отъ рядового землероя Пахомова. Для нихъ обоихъ, для всѣхъ вмѣстѣ бой — „работа“, а смерть — естественное явленіе. И мечты у всѣхъ одинаковыя: мечтаютъ о горячей кашѣ съ саломъ, о свѣжей смѣнѣ бѣлья, объ отдыхѣ, больше ни о чемъ. Намъ нѣтъ сейчасъ никакого дѣла до того, для чѣго мы сражаемся, во имя чѣго идемъ на смерть. Красницкій и

Пахомовъ разъ навсегда рѣшили всѣ вопросы: послѣ войны будетъ какое то „полегченіе“, и въ этомъ оправданіе войны.

День и ночь, безъ умолка и перерыва, гремитъ канонада. Отъ ея непрерывнаго грома болятъ уши, свинцомъ налитѣ голова. Когда, случится, стрѣльба изъ орудій крупнаго калибра смѣняется пулеметнымъ обстрѣломъ, чудится еще тяжелое громоуханіе „мареутокъ“, чудится даже во снѣ, когда насъ, усталыхъ, смѣняетъ резервъ. Отъ сотрясенія воздуха, отъ разрыва снарядовъ осыпается земля съ потолка землянки, ходенемъ ходитъ деревянный настилъ подъ ногами, словно рядомъ работаетъ гигантская машина, вертятся огромные маховики, и жужжать и гремятъ надъ самымъ ухомъ тысячи поставовъ и жернововъ:

— Р-р-р-р!

— Съ чего это, братцы, тихо сдѣлалось?—спросилъ однажды вечеромъ съ растеряннымъ видомъ солдатикъ Ликинъ.

Онъ привсталъ даже, прислушиваясь, точно ли прекратилась пальба.

А канонада въ этотъ моментъ дошла до высшей точки напряженія. Тысячи пудовъ свинца, желѣза и стали падали подлѣ траншей, а Ликинъ ничего не слышалъ, хотя землянка находилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ окоповъ.

— Что ты, обалдѣлъ? Ай не слышишь, какъ онъ чистить?

— Ась?—спросилъ Ликинъ, напрягая слухъ, чтобы разслышать товарища.

— Палятъ, гораздо палятъ.

— Что сказалъ? Говори громче.

Ликинъ такъ и не разслышалъ ни пальбы, ни того, что говорили ему обступившіе его товарищи. Онъ не оглохъ, а именно „обалдѣлъ“. Утромъ глухота прошла,

и Ликинъ, качая головою, вспоминалъ про то, что было съ нимъ наканунѣ:

— Тихо сдѣлалось, ровно на погостѣ. Вижу, земля осыпается, и мекаю, что палятъ шибко. А не слыхать ничего. Вотъ оно, какое дѣло вышло.

„Обалдѣлость“, временная утрата слуха и странное отупѣніе находятъ на всѣхъ, кому приходится по нѣсколько дней быть въ полосѣ жестокаго артиллерійскаго обстрѣла. Слухъ и умъ не выдерживаютъ, но человѣкъ въ солдатскомъ мундирѣ стойчески выноситъ все. Отъ „обалдѣнія“, отъ того, что мы утратили впечатлительность и воспріимчивость и привычки ко всему, намъ ничего не страшно. Въ то время, когда наверху происходитъ бой, здѣсь, въ землянкахъ, каждый занимается своимъ дѣломъ. Завтра, быть можетъ, будетъ атака, Петряевъ или Лисицынъ, кто-нибудь изъ насъ, будетъ „выведенъ изъ строя“, но сегодня при свѣтѣ огарка доброволецъ Лисицынъ играетъ съ вольноопредѣляющимся Петровымъ въ шапки, Пахомовъ скинулъ сорочку, вывернулъ ее наизнанку и съ азартомъ преслѣдуетъ „внутренняго врага“, Петряевъ старается починить лопнувшій гдѣ-то „у косточки“ сапогъ, а хохоль Зеленко со скуки тинетъ какую-то пѣсню безъ словъ, со странной лающей мелодіей:

— Га-га-га! Га га-га!

Пѣсня у него не налаживается, выходитъ не то и не такъ, какъ онъ хочетъ, и Зеленко бранится:

— О, чтобъ тоби повылазило!

И снова начинается:

— Га-га-га!

Въ темномъ углу землянки солдатъ Бабенко, сидя на корточкахъ и обнявъ колѣна руками, рассказываетъ „казку“. Его слушаютъ съ видимымъ интересомъ, а рѣчь его, спорая такая, плавная, катится, какъ бисеръ по блюдечку:

— И говоритъ Марья-царевна иноземному царевичу:
„Ахъ ты, рыло татарское, дерево стоеросовое! Не пойдю
я за тебя замужъ“...

— Ловко!

— Вотъ такъ баба, мать честная!

— Не мѣшай! Ври дальше, Бабенко.

Огарокъ гаснетъ. Люди укладываются спать. Наверху
гудить, воесть, свистить огонь. Кто-то протяжно сто-
нетъ подлѣ самой землянки:

— Ах, ма-а-туш-ка!

— Ну, чего, чего,— бубнить низкій голосъ.— Чай не
баба, не рожаетъ. Потерпи маленько, дай перевязать.

— Печетъ шибок. М-ма-а...

— Косаренкова кокнуло,—говорить кто-то въ тем-
нотѣ, поворачиваясь на другой бокъ и скребя ногтями
тѣло.

— А ты помалкивай, спи!

Сонъ не идетъ. Усталое тѣло оцѣпенѣло, глаза смы-
каются и въ головѣ нѣтъ думъ: онѣмѣніе какое-то, не
то дремота, не то чуткій, болѣзненный сонъ, когда слы-
шишь все, все соображаешь, но нѣтъ силъ сдвинуться
съ мѣста. И такъ до утра.

На зарѣ трубятъ рожокъ. Часто и четко. Гдѣ-то да-
леко тревожно звучатъ трубы горнистовъ:

— Тра-та-та! Тра та-та!

— Будетъ общее наступленіе,—говорить Лисицынъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы снова засядемъ въ
окопы или пойдѣмъ въ бой.

Лисицынъ быстро набрасываетъ карандашомъ что-то
на „секреткѣ“, передаетъ мнѣ.

— Если меня убьютъ, пошлите.

Это письмо невѣстѣ. Онъ урываетъ каждый день
время, чтобы написать ей нѣсколько словъ. И когда
пишетъ, лицо у него свѣтлое, улыбающееся, и видно

по всему, что въ его письмѣ бодрыя, веселыя, хорошія слова.

Передалъ „секретку“ и, подойдя къ еврею-рядовому Нахмансону, шутливо хлопнулъ его по спинѣ кулакомъ.

— Что, братъ, носъ на квинту повѣсилъ? Смерти боишься?

— Я боюсь? Почему вы думаете, что еврей долженъ бояться? Развѣ еврей не такой же человѣкъ, какъ вы? Я таки буду биться не хуже, чѣмъ вы; я, можетъ быть, буду стараться сражаться лучше, чѣмъ вы, потому что мнѣ надо доказать. Ну-да!

Нихмансонъ обидчиво моргаетъ глазами и говоритъ быстрымъ визгливымъ и пѣвучимъ говоркомъ.

— Чудакъ ты! Конечно, ты не хуже другихъ. И ничего тебѣ доказывать не нужно.

— Вы говорите—не нужно? Хорошо вамъ, что вы русскій, что вы только русскій. А если Нахмансонъ и русскій и еврей? Какъ по-вашему: долженъ онъ доказывать, что онъ такой же русскій, какъ еврей? А? Ничего я вовсе не боюсь.

— Пятая рота выходи-и!—доносится команда.

— Это мы—пятая рота. Мы выползаемъ изъ землянки на свѣжій воздухъ. Низко нависло небо. Мелкій дождикъ нудно моросить, и желтовато-сѣрымъ туманомъ заволокло окопы и лѣсъ, обстрѣливаемый нашей артиллеріей. За ночь окопы измѣнили свои очертанія. Крупные снаряды снесли насыпь, исковеркали блиндажное прикрытіе, но солдаты прокопали траншею впередъ, сдѣлали новую насыпь, и окопы оказались ближе къ неприятелю, чѣмъ наканунѣ, саженой на десять.

— Сапой шли,—тихо замѣчаетъ Пахомовъ.

— Сапой оно куды способнѣе, чѣмъ атакой,—говорить маленькій ефрейторъ Березинъ.

— Пятая рота часто начина-ай!

Пальцы цѣпко хватаютъ затворъ винтовки, движенія быстры, бодры и ритмичны: раз-два, разъ-два. Тамъ, куда долетаютъ и падаютъ раскаленные комки свинца изъ нашихъ винтовокъ, горитъ лѣсъ. Изъ-за огней завѣсы слышны крики, стоны и вой, страшный звѣриный вой. Разъ-два, разъ-два. Бѣлые дымки, всплывающіе надъ нашимъ окопомъ, несутъ съ собою смерть и раны. Словно частый и крупный градъ, бьютъ по блиндажу пулеметныя пульки, отскакиваютъ, осыпаютъ траншею и, потерявъ свою ударную силу, падаютъ, какъ мелкіе камешки, внизъ.

Звения и шипя летитъ прапнелъ. Тяжело ухаю и гудя, какъ трамвай, несется пятидесятидюймовый снарядъ, остановился на мгновенье, словно задумавшись и, разбрызгивая во все стороны искры, ринулся внизъ. Быстро-быстро завертѣлся, разбрасывая комья земли и осколки камня, поднялъ столбъ пламени и дыма и грохнулъ:

— Бо-омъ!

Какъ большой колоколъ, какъ набатный ударъ, странно одинокій и короткій. А потомъ широкій вѣеръ густо-краснаго огня взметнулся къ небу, вонзившись острымъ основаніемъ въ широкую, вырытую снарядомъ воронку. Гулъ какой-то, смѣшанные крики.

— Носилки!

— О-ой!

— Выше подымай!

— Спекся!

— Кирилловъ, подлецъ! Куда поперъ? Говорю—носилки.

— Бож-же мо-ой!

Дымъ разсѣялся. Полуротный сидитъ на барабанѣ. Лицо черное, въ копоти, и тамъ, гдѣ должна быть лѣвая рука, висятъ красные лохмотья. Подлѣ него два санитары.

— Оставьте. Потомъ... Рота стрѣ-ѣ...—и упаль, и падая закончилъ:—къ чорту! ...ля-ай! Уберите меня.

Смыкается шеренга. Раненые отползають назадъ. Ихъ мѣста занимають другіе.

— Въ атаку!

Словно вздохъ вырвался изъ груди: слава Богу. Пахомовъ крестится широкимъ крестомъ. Атака—это хорошо, это конецъ лежанію въ окопахъ подъ огнемъ. Огромный и неуклюжій, онъ выпрямляется во весь свой ростъ, потомъ выбрасываетъ туловище впередъ и, нагнувъ голову, претъ напроломъ, какъ быкъ, готовый взять на рога противника. Смотритъ исподлобья, пошевеливаетъ усами и рывкаетъ по-звѣриному.

— У-у! У-у!

Ликинъ, бойкій и вертлявый, нелѣпо размахиваетъ руками и верещитъ тонкимъ голоскомъ. Лисицынъ строго нахмурилъ брови, закрылъ глаза и, не пригибаясь къ землѣ, идетъ, какъ мужикъ, въ огонь. И всѣ кричатъ, что придетъ въ голову, иные бранятся, иные кричатъ „ура“, иные урчатъ, какъ Пахомовъ, и всѣ бѣгутъ, покалывая штыками пустое пространство, все ускоряя и ускоряя темпъ движеній, чтобы, столкнувшись съ врагомъ, ударить въ его ряды съ неудержимой силой и разорвать живую, матеріальную связь въ его рядахъ. Не команда, не выучка, а непонятный, не поддающийся учету сознанія могучій инстинктъ подсказываетъ, что надо дѣлать такъ, а не иначе, бросаетъ меня и всѣхъ въ ту, а не въ другую сторону. Умъ оцѣпенѣлъ и не думаетъ, ухо не слышитъ команды, но ноги, тѣло, руки дѣлають то, что надо, и такъ, какъ надо.

Впереди насъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, упаль тяжелый снарядъ. Инерція бѣга направляетъ меня туда, гдѣ онъ гудитъ, вертается, какъ волчокъ, и если бы я захотѣлъ броситься въ сторону, я не смогъ бы удер-

жать разбѣга. И вдругъ кто-то болѣе сильный и болѣе разумный, чѣмъ я, изъ всѣхъ силъ толкаетъ меня въ спину,—я падаю. И въ то время, когда я лежу ничкомъ, закрывъ глаза, въ моемъ умѣ возникаетъ странная мысль, даже не мысль, а слова, нелѣпый обрывокъ фразы:

„Три съ полтиной“.

И звенять въ ухахъ безмысленныя слова:

„Три съ полтиной, три съ полтиной“.

Звенять ли падающіе осколки разорвавшагося снаряда и слагаются въ напряженномъ до оцѣпенѣнія умѣ въ слова, или кто-нибудь рядомъ кричить о трехъ съ полтиной?

— Рота перебѣгай!—смутно доносится издали.

И опять, еще настойчивѣе, чѣмъ прежде:

„Три съ полтиной“.

Вскочилъ на ноги. Ничего не видно въ густомъ дыму. Рванулся впередъ, именно — рванулся, потому что ноги точно приросли къ землѣ.

— Ахъ, шельмы! Ахъ, сукины дѣти!—слышенъ впереди голосъ Пахомова.

Дымъ разсѣялся. Изъ-за разрыва тучъ выглядываетъ на нѣсколько мгновений солнце и освѣщаетъ разрытое снарядами поле, играетъ въ багровыхъ лужахъ и сверкаетъ на щетинѣ штыковъ австрійской пѣхоты, бросившейся въ контръ-атаку.

Пахомовъ винтовку бросилъ. Широко разставивъ ноги, нагнувъ голову и растопыривъ хищно шевелящіеся пальцы, онъ тяжелой, медленной походкой идетъ навстрѣчу штыкамъ и бранится и урчитъ, какъ медвѣдь:

— Угу, угу! Сукины сыны! Угу!

Ближе. Сшиблись. Глаза невольно закрываются. Глядѣть во время атаки въ лицо врагу, колоть людей и видѣть, какъ вбивается штыкъ въ живое, бьющееся

тѣло, могутъ только самые сильные, самые уравновѣшенные, такіе, какъ Пахомовъ. Ничего не видишь, не чувствуешь, кромѣ ощущенія преодоленія живой преграды. И страха нѣтъ: въ голову не приходитъ, что и въ меня можетъ вонзиться штыкъ, что и меня могутъ убить, оглушить ударомъ приклада, какъ это дѣлаю я въ какомъ-то опьяненіи, въ дикомъ, непонятномъ экстазѣ.

Пахомовъ, Ликинъ, Нахмансонъ, Лисицынъ — всѣ хотятъ жить; жажда жизни заставляетъ насъ прорываться впередъ и убивать, и крушить, и колоть людей въ сѣро-синихъ мундирахъ. Въ этомъ порывѣ къ жизни, который сильнѣе всякихъ убѣжденій, всякихъ другихъ чувствъ и порывовъ, всѣ слились въ одно, и теперь нѣтъ личности—ни меня, ни Нахмансона, ни Лисицына: вмѣсто отдѣльныхъ единицъ въ бою живое многоголовое тѣло полковъ, ротъ, баталіоновъ, слитыхъ изъ атомовъ. Эту слитность, свою атомность мы ощущаемъ сильнѣе всего, сильнѣе страха за себя. Оттого мы увѣрены и сильны.

Преграда прорвана. Австрійцы, продолжая отражать наши удары, уходя. Теперь можно раскрыть глаза. Синіе и сѣрые бугорки покрыли все поле. Одни шевелятся, другіе недвижимы. Маленькій Нахмансонъ, удивительно напоминающій сейчасъ зайченка, присѣлъ на корточки и медленно-медленно клонится къ землѣ.

— Вы думаете, я раненъ? Я таки...—не оканчиваетъ онъ и осторожно, словно боясь разбить что-то, ложится не землю.

— Таки,—повторяетъ онъ,—таки...

Первый рядъ непріятельскихъ окоповъ занятъ нами. Молоденькій австрійскій офицеръ забился въ уголъ траншеи и, протянувъ впередъ руки и глядя большими, полными ужаса глазами куда-то поверхъ насъ, поетъ:

— Ля-ля-ля, ля-ля-ля! Wo ist meine Puppe?

И смѣется безумнымъ смѣхомъ, отъ котораго морозъ пробѣгаетъ по тѣлу:

— Ха-ха-ха! Wo ist meine Puppe?

— Тронулся, сердяга,—тихо говорить Пахомовъ и, взявъ за рукавъ офицера, тянетъ его къ себѣ:

— Встань, ваше благородіе. Чего пужаешься? Чай не звѣри.

— Gehe fort!—кричитъ тотъ—Du bist eine Puppe.

— Какая тамъ пуца? Пойдемъ, другъ, водички выпьешь. Экъ, испугался человѣкъ!

П и с ь м о.

...Такъ вотъ, дорогая моя, я седьмой мѣсяцъ на войнѣ. Шесть мѣсяцевъ походной и боевой жизни.

Передъ тѣмъ, какъ объявлена была война, жизнь для меня была простая, разъ навсегда рѣшенная задача. Я шелъ къ своей жизненной цѣли такъ же просто и увѣренно, какъ направлялся съ занятій домой, по Невскому проспекту, отъ угла Морской до угла Николаевской. Тутъ поворотъ, тамъ остановка, здѣсь нужно по дорогѣ, мимоходомъ, посмотрѣть въ витринѣ книжныя новинки, а тамъ надо по пути зайти къ Николаю Ивановичу потолковать о новомъ научномъ методѣ. Жизнь была проста, легка и налажена, поставлена на рельсы: кати все впередъ и впередъ по одному пути, пока не упруешься въ тупикъ, гдѣ конецъ, гдѣ больше нѣтъ дороги, гдѣ смерть.

Но вотъ произошло что-то, въ родѣ землетрясенія, — нѣтъ, больше! — въ родѣ мірового геологическаго переворота, пласты смѣшались, и вздоромъ теперь уже кажется жизнь, похожая на прогулку съ Морской до Николаевской по Невскому проспекту.

Прошлымъ лѣтомъ, когда мы жили на дачѣ у Полины Карповны, у меня былъ, наканунѣ моего объясненія съ тобой, такой разговоръ съ твоимъ отцомъ, котораго я очень уважалъ за то, что онъ ординарный профессоръ, что о немъ говоритъ вся Россія и что его знаетъ весь міръ.

— Тоска,—сказаль мнѣ этотъ старый человѣкъ, который, какъ мнѣ казалось, уже утомонился, успокоился, потому что рѣшилъ всѣ задачи, выпавшія на его долю.— Тоска! Вотъ мнѣ семьдесятъ лѣтъ, я прожилъ цѣлую жизнь, но когда оглянусь назадъ, то вижу, что умеръ въ тотъ самый моментъ, когда я думаль, что началъ только жить по-настоящему.

— Вы слишкомъ много курили нынче вечеромъ,—сказаль я. — Оттого у васъ и тоска. Жизнь проста и хороша. Вы сдѣлали въ ней больше, чѣмъ она отъ васъ требовала. Чего же еще?

— Что вы намѣрены дѣлать нынѣшней осенью? — спросиль онъ меня.

— Издамъ свой трудъ о нѣкоторыхъ разнообразностяхъ бабочекъ *Hilesinus Piniperda*

— Такъ. Ну, а потомъ?

— Потомъ? Потомъ начну свой курсъ лекцій.

— А потомъ?

— Господи! да вы хотите знать, какъ я распланирую всю свою жизнь!

— Да.

— Ну, женюсь. Будутъ дѣти, будутъ новыя обязанности.

— Снимите побольше квартиру, — подсказаль онъ.

— Ну да, моя тѣсна.

— Напишите новый трудъ по зоологіи.

— Не одинъ.

— Будете толковать съ Николаемъ Ивановичемъ о новыхъ методахъ.

— Вѣроятно.

— Достигнете извѣстности. О васъ будутъ писать, говорить. Такъ?

— Не знаю. Если заслужу.

— А подумали ли вы когда-нибудь надъ тѣмъ, — на кой, скажемъ, чортъ нужно все наше гробокопа-

тельство, всѣ наши сотни и тысячи томовъ о разныхъ бабочкахъ народу, напримѣръ, Ивану Непомнящему или Сидору Безродному? Будетъ ли онъ счастливѣе, лучше, умнѣе отъ того, что вы женитесь, что у васъ будутъ дѣти и что вы напишите о Hilesinus Piniperda.

— Что же? Неужто, если Ивану Безродному не надобно знать объ Hilesinus Piniperda, скажемъ, такъ все, что мы дѣлаемъ, безцѣльно?

— Я не знаю, безцѣльно ли это или цѣлесообразно. Но это не то. И оттого — тоска.

Я пожалъ плечами и пошелъ въ садъ. Черезъ полчаса я забылъ объ этомъ разговорѣ и признался тебѣ въ любви. Я говорилъ о ней сухо и обстоятельно, какъ говорю обо всякомъ дѣлѣ, говорилъ о томъ, что осенью мы сможемъ обвиняться, что, если устроить жизнь разумно, у насъ хватитъ средствъ жить и воспитывать дѣтей, которыя, вѣроятно, будутъ. Это было просто, ясно, какъ восходъ солнца утромъ, какъ его закатъ вечеромъ.

19 іюля моя вѣра въ универсальность науки, въ то, что при ея помощи можно достигнуть братства народовъ, дала глубокую трещину. 19 іюля и въ послѣдующіе дни я увидѣлъ, что наука сама собою, а жизнь сама собою. Эта самая жизнь, которая разошлась съ моими взглядами, заставила меня надѣть шинель и пойти рѣшать мировые вопросы не перомъ, не при помощи микроскопа, а штыкомъ и шрапнелью.

Здѣсь нѣтъ ни Николая Ивановича, ни новыхъ методовъ, ни уютнаго кабинета. Здѣсь сырые окопы, гудящая канонада пушекъ, свистъ и вой снарядовъ, а рядомъ со мною стоитъ, прижавшись къ стѣнкѣ траншеи, рядовой Петръ Смирновъ, мой тезка, и пострѣливаетъ изъ винтовки.

— Такъ что, ваше благородіе, енѣ бѣгить, — говорить Смирновъ. — Шибко бѣгить на насъ.

— Въ атаку, — коротко передаю я приказаніе ротнаго и выскакиваю изъ траншеи.

Солнце ярко. Небо ясно и чисто. Снѣгъ подтаялъ, и бѣгутъ подъ ногами звонкіе, веселые ручьи. Изъ проталинъ глядитъ буро-зеленая прошлогодняя трава. И мнѣ и Петру Смирнову, и всѣмъ весело бѣжать съ винтовками на вѣсу.

И въ этомъ веселомъ бѣгѣ, среди свистящихъ ядеръ и пуль, я вспоминаю Пасху, великое Таинство Воскресенія, и звенить въ ушахъ:

... „Смертію смерть поправъ, и сущимъ во гробѣхъ животь даровавъ“...

Да, да, смерть побѣждена смертью. Изъ смерти рождается пышный всходъ жизни, что-то есть во мнѣ, которое со спокойной радостью говоритъ мнѣ, что ученый зоологъ Петръ Федоровичъ былъ трупъ, а прапорщикъ Петръ Махотинъ — живой человѣкъ, воскресшій на поляхъ смерти.

На шеѣ у меня виситъ на шнуркѣ свистокъ. Въ то время, когда мы лежимъ, я беру свистокъ въ зубы и, стискинувъ его, пронзительно свищу и бросаюсь впередъ.

Солдаты поднимаются съ оттаявшей теплой земли и бѣгутъ за мною, тыкая впередъ винтовками.

— Ура! — кричу я.

— Ура, ура, — подхватываютъ солдаты.

И солнце ярко свѣтитъ, и лучи его весело смѣются, и въ тысячеголосомъ „ура“ смѣхъ и весенняя радость возрожденія.

Ручная граната упала къ моимъ ногамъ. Такая маленькая штучка, величиной съ апельсинъ, кружится, и трещитъ, и рвется, обжигая мнѣ руки и лицо. Я цѣлъ и живъ, и ничего не боюсь. Hilesinus Piniperda — духа, профессорство и лекціи, большая квартира, покойная жена, послушныя дѣти, удобный фракъ —

чушь, ужасъ, въ тысячу разъ страшнѣе ручной гранаты, снарядовъ, пулеметныхъ горошинъ праптели.

Сверкнуло что то ярко-ярко.

— Ложись!—крикнулъ какой-то голосъ во мнѣ.

— Это—шестицудовый снарядъ, вертится и жужжить, а я лежу въ десяти шагахъ отъ него и въ моемъ умѣ проходить вся жизнь моя, всѣ мои мечты и планы.

— Пф-рр-ахъ!—рывкнулъ снарядъ.

Въ глазахъ у меня пошли сначала зеленые, потомъ ярко красные круги, и я потерялъ сознаніе.

— Ваше благородіе,—сказалъ кто-то надъ самымъ моимъ ухомъ.

Я открылъ глаза и увидѣлъ, что рядомъ со мною, лицомъ вверхъ лежитъ Петръ Смирновъ. Я цѣлъ, только голова опалена и вспухла отъ контузіи, а вотъ Смирновъ...

— Умираю,—говоритъ онъ.—Напишите женѣ, Анастасіи Смирновой... Симбирской губерніи, село Костяково... Чтобы не убивалась... Чтобы дѣтей, какъ слѣдъ, блюла... Отпишите.

У Смирнова оторвана нога, а другая—смята.

— Ничего, парень, жить будешь,—говорю я и чувствую, какъ щекочетъ у меня въ носу, какъ набѣгаютъ слезы, и горячій, сильный порывъ охватываетъ меня всего.

Вотъ, что я долженъ сдѣлать: взвалить къ себѣ на плечи Петра Смирнова, мужика Симбирской губерніи, села Костякова, и нести къ санитарному пункту.

Онъ будетъ жить. Я хочу, чтобы онъ жилъ. Обязанность моя, весь смыслъ моей жизни, жизни ученаго Петра Федоровича Махотина, нести на своей спинѣ мужика Петра Смирнова и спасти его.

Тяжелъ мой путь! Я сотни разъ спотыкаюсь о трупы, о рывины, развороченныя снарядами, падаю, поды-

маюсь и иду дальше со своей ношей. Мнѣ хорошо отъ того, что я могу идти, что могу нести его. Пуля ударила меня въ лѣвую руку, рукавъ наполнился кровью, мнѣ больно, меня жжетъ, но мнѣ хорошо и сладко.

Навстрѣчу намъ бѣгутъ санитары.

— Смертію смерть поправъ!—кричу я имъ, и падаю безъ чувствъ.

... И вотъ я въ лазаретѣ, моя дорогая. Утромъ, когда я очнулся, подошла ко мнѣ сестра, вся озаренная солнцемъ, и, поцѣловавъ меня въ лобъ, сказала:

— Христось воскресе, прапорщикъ.

Я сразу не понялъ въ чемъ дѣло, и, улыбаясь, вѣпросительно посмотрѣлъ на нее.

— Пасха. Сегодня Пасха,—сказала она.

— Ахъ, такъ.

И вдругъ, что-то теплое разлилось въ моей груди. Я снова почувствовалъ, что плачу отъ радости и умиленія.

— Что Смирновъ? Что съ нимъ?

— Выживетъ,—сказала сестра.

— Слава Богу! Слава Богу! Воистину воскресе,—отвѣтилъ я.

Когда-то въ дѣтствѣ, въ какой-то праздникъ, меня нарядили въ новый бархатный костюмчикъ, умыли, и гладко причесали. У меня тогда было такое чувство, будто весь я новый, другой, будто всего меня замѣнили чистымъ, хорошимъ и новымъ Петей.

Такъ и теперь. Я безпричинно радостенъ и бодръ. Цѣлесообразность жизни утеряна навсегда. Жизнь для меня больше не прогулка по Невскому пр. Я не знаю, что я стану дѣлать съ собою, я не хочу знать объ этомъ. Въ душѣ моей пробились живые ростки, и тянутся они во всѣ стороны. Въ душѣ моей много простора и свѣта, и каждый уголокъ въ ней радостно и звонко поетъ о жизни.

Все во мнѣ радостный хаосъ, въ которомъ симбирскій мужикъ Петръ Смирновъ, и улыбка сестры милосердія, и лучъ утренняго солнца, и любовь къ тебѣ, далекой и близкой,—все слилось въ одинъ звучный гимнъ воскресенію души.

Вотъ сейчасъ подъ моимъ перомъ бѣгутъ ровныя строчки, я пишу это радостное письмо и чувствую, какъ-будто я въ новомъ костюмчикѣ, будто мнѣ крѣпко напоядили волосы и старательно расчесали ихъ, я чувствую, что душа моя омыта живой водою, и, услышавъ голосъ Петра Смирнова за деревянной перегородкой лазарета, стараюсь понять, что онъ говорить.

— Ногу оно, положимъ, оттаяло, — говорить онъ кому-то. — А все же — ничего. Руки цѣлы, робить можно. А у насъ все бабы, работы страсть! Запашки таперича, а опосля посѣвъ, бороньба тоже. То-то.

— Ничего, будемъ работать, — кричу я черезъ стѣнку Петру.

— Ого! Еще какъ! — отвѣчаетъ мнѣ Петръ. — Вызвали, слава Богу. Живемъ, ваше благородіе!

— Живемъ!

Прапорщикъ Д—овъ.

Далеко за Стрый забралась наша часть. Тамъ начинаются уже горные перевалы, высокіе лѣсистые края стоятъ зубчатой стѣною между Галиціей и Венгріей.

Горы здѣсь круты и идутъ сплошной цѣпью, тѣснятся другъ къ другу, а между ними въ узкихъ разсѣлинахъ и ущельяхъ выются тропинки.

Неподалеку отъ насъ находилось ущелье У., которое ведетъ черезъ Бескиды въ Венгрію. Это узкій каменный корридоръ, съ отвѣсными стѣнами, поросшими цѣпкимъ кустарникомъ.

Командиръ вызвалъ охотниковъ: кто желаетъ идти на развѣдку, нащупать, какъ обстоитъ дѣло въ ущельѣ.

Первымъ вызвался прапорщикъ Д.

Странный это былъ человѣкъ. Росту малаго, въ талии тонокъ, и лицо нѣжное, розовое, какъ у ребенка. Голубые глаза глядятъ мягко, руки маленькія, выхоленные. На видъ — дѣвушка въ военномъ мундирѣ. Но онъ ѣздилъ лихо на конѣ, а винтовкой владѣлъ съ исключительнымъ искусствомъ.

Когда Д. вызвался на развѣдку, командиръ даже вздрогнулъ. Онъ любилъ Д.

За Д. вызвалось еще двадцать человѣкъ.

Вышли позднимъ вечеромъ. Здѣсь ночи особенныя какія-то. Небо темное, почти черное, какъ темно-синій бархатъ, и разсыпано на немъ безъ числа звѣзды, какъ огненный макъ на синемъ полѣ.

Луна всходитъ поздно, такъ что, несмотря на звѣздное сіяніе, кругомъ густой мракъ. Ничего не видно.

Бѣжали тихо. По горной тропѣ лошади идутъ осторожно, нащупываютъ каждый шагъ. Вокругъ все словно замерло. Только и слышно: либо лошадь фыркнетъ, либо камешекъ скатится внизъ изъ-подъ ногъ и бултыхнется въ воду, въ горную рѣчку. Потомъ пошли заросли — колючій и цѣпкій кустарникъ. Пришлось спѣшиться, лошадей взять подъ уздцы, и пробираться, гдѣ согнувшись въ три погибели, а гдѣ ползкомъ, на четверенькахъ. Дорога тяжелая, все въ гору, а подъемъ отвѣсный, какъ стѣна.

Люди утомились, потъ льется ручьями, а рубашку — хоть выжми. Лошади покрылись мыломъ и храпятъ.

Прилегли отдохнуть. Не прошло и десяти минутъ, Д. подымаетъ голову, слушаетъ. Тихо, никому не слышно, а онъ, видимо, слышитъ что-то.

— Что такое?

Д. отмахнулся: молчите, дескать. А самъ поползъ въ кусты и скрылся. Прошло полчаса, часъ — Д. нѣтъ.

Только мы собрались тронуться — послышался шорохъ, затрепалъ сухой кустарникъ, и изъ-за кустовъ выползъ Д., исцарапанный весь, въ изодранной одеждѣ, но цѣлъ.

— Въ сотнѣ шаговъ отсюда — пикетъ. Ихъ трое. Я проползъ мимо нихъ и пробрался впередъ. Тамъ начинается скатъ, а на скатѣ работаютъ саперы, около пятидесяти человѣкъ. Влѣво отъ нихъ проходъ свободенъ, и есть тамъ пѣшеходная тропинка. Надо развѣдать, какъ и что тамъ и, не теряя времени, вернуться.

Д. пошелъ впередъ. Мы выбрались изъ заросли и ступили на твердый, каменный грунтъ. Тропинка пошла внизъ по скату въ ущелье. Потомъ открылась широкая лощина, а тропинка оборвалась. Посреди лощины,

въ рощицѣ, стояло какое-то зданіе—не то домъ, не то усадьба. Узкія окна расположены высоко, подъ самой крышей, а крыша круглая, какъ куполь. Окна были ярко освѣщены.

Мы хотѣли уйти отъ этого мѣста. Вдругъ послышался окликъ.

Д. выхватилъ пашку и ударилъ. Тотъ, кто окликнулъ насъ, протяжно застоналъ и упалъ. И ружье его, падая, выстрѣлило, вызвавъ гулкое эхо въ горахъ.

Свѣтъ въ окошкахъ вдругъ потухъ. Изъ - подъ крыши вырвался бѣлый снопъ лучей, побѣждалъ по небу, по горамъ, по кустарнику и, нащупавъ тѣхъ, кого искалъ въ предразсвѣтной темнотѣ, сразу освѣтилъ насъ.

Вслѣдъ за этимъ грохнулъ выстрѣлъ изъ орудія. Не долетѣвъ и врылся въ землю въ десяти шагахъ отъ насъ. Мы бросились въ сторону.

Изъ укрѣпленія выскочило человѣкъ шестьдесятъ. Кони у нихъ, очевидно, были привычны къ горной дорогѣ и вихремъ взлетѣли на кручъ.

Уже занялась заря, и видно было, какъ непріятельскій отрядъ мчится на лошадей разстоянія отъ насъ.

Д. обернулся. Вотъ какъ сейчасъ онъ предо мною, весь въ озареніи солнца, фуражка свалилась съ головы и волосы горять золотомъ, словно вѣнецъ на головѣ.

— Впередъ! Бей! Руби!

Мы опрокинулись лавиной на нихъ. Въ глазахъ замелькала рябь, засвистѣло въ ушахъ.

Они побѣжали—шестьдесятъ человѣкъ отъ двадцати одного. Да и не шестьдесятъ ихъ осталось, а половина только: многіе тутъ же лежали, многіе скатились въ ущелье.

А Д. впереди, врубился въ середину и косить.

Вдругъ надъ Д. сверкнуло что-то и онъ упалъ

Мы влетѣли въ середину бѣгущаго непріятельскаго отряда и очутились подлѣ Д. Онъ лежалъ ничкомъ. Я спѣшилъ. Д. былъ весь изрубленъ, голова его была раскроена и только два раза открылись и закрылись его синіе глаза.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Воинская страда	3
Въ огнѣ	19
Въ озареніи войны	37
Въ бою	52
Улыбка родины	62
Духъ жизни	69
На войнѣ	78
Взрывъ моста	87
Ночью	90
Страхъ	94
Сѣрые люди	99
Двадцать два человѣка	105
Автоматъ	110
Тихій бой	115
На развѣдкѣ	122
Въ глубинѣ	126
Бой	135
Стычка	140
Паровозъ „Б. 47“	145
Развѣдка	154
Мертвецы имперіи	160
Война	170
Письмо	181
Прапорщикъ Д-овъ	188

